

ВЛАДИМИР СКИФ

Байкальский сказочник

Жизнь и творчество Василия Стародумова

Закончилась моя служба на Тихоокеанском флоте, и я демобилизовался в Иркутск, хотя он не был в то время местом моего душевного притяжения, моей малой родиной, поскольку родом я из деревни, и вся моя прежняя жизнь была связана с ней, да ещё с городом Тулуном, где я прожил четыре года, учась в Тулунском педучилище.

Тем не менее, Иркутск меня встретил радостно, по-родительски обстоятельно и сразу же завладел моим умом и сердцем. Одними из первых, кто стремительно вошли в мою жизнь и приобщали к Иркутску, были: в Союзе писателей — Пётр Иванович Реутский, а в литературном клубе «Парус», успешно аккумулировавшем при Иркутском авиазаводе молодые писательские таланты, Алла Алексеевна Чаркова и Василий Пантелеймонович Стародумов.

Первая наша встреча со Стародумовым произошла в стенах заводской многотиражки, куда я с бьющимся сердцем пришёл на первый для меня литературный вторник задолго до начала заседания. В редакции горел яркий свет, в небольшой комнате было уютно и тихо. За одним из столов, запав — именно так — запав — в газету, сидел какой-то удивительно домашний человек. Он повернулся ко мне, удивлённо округлил глаза и изрёк:

— О, моряк! Откуда к нам?

Потом ласково, доверительно улыбнулся, встал ко мне навстречу, протянул такую же, как он сам, ласковую руку и усадил за стол.

— Меня зовут Василий Стародумов, хотя иногда я бываю Ильёй Бомбеем, но вы не пугайтесь, — и он громко, заразительно, с наслаждением захохотал. Я как-то сразу почувствовал себя в своей тарелке, настолько сердечным и располагающим к себе оказался этот немного странный и такой яркий человек.

— Экий бравый моряк! — балагурил Стародумов. — И, небось, стихотворец, то бишь, поэт? Неужто прямо с флота к нам? — Он засыпал меня градом вопросов, светясь и радуясь новому человеку и возможности творческого общения.

Я рассказал, что жил раньше в деревне, что родители переехали в Иркутск, когда я служил в армии на Дальнем Востоке, теперь вот демобилизовался, приехал в незнакомый город, но уже устроился художником-оформителем в 27-й цех авиазавода. Рассказал, что пишу стихи со школьной скамьи, что печатался во флотских газетах и даже в московских журналах «Крылья Родины», «Советский воин», «Старшина-сержант».

— О, так вы уже опытный литературный волк, — снова засмеялся Стародумов.

— Да нет! Я не шибко опытный, поскольку мало общался среди литераторов, а два-три выезда по разрешению командования во Владивосток на встречи с приезжими московскими писателями — это, наверное, мало для того, чтобы вариться в поэтическом котле.

— Ну, теперь вы будете вариться в настоящем литературном котле, да ещё ходить под «Парусом». Видите, как ловко попали: из морских широт снова к парусам и «парусятам». «Парусята» — это все, кто считаются членами нашего литературного клуба «Парус», заводские поэты и прозаики, да и не заводские тоже. А теперь для знакомства прочитайте что-нибудь.

Я, волнуясь, прочитал стихотворение «На посту». Стародумов с величайшим вниманием прослушал стихи и тут же шумно отреагировал:

— Хорошо «под знаменем рассвета» и огляд Родины широкий, орлиный «от Кушки до башен Бреста, от гор Памира до чукотских рек». А ещё?

Я отметил про себя, что Василий Пантелеймонович обладает великолепным даром слушателя и ценителя стихов, и с какой-то удвоенной радостью стал читать. Стародумов посмотрел на меня внимательно, серьёзно и спросил:

— В армии написал?

— В армии.

— Чувствую, как сильно ты скучал по дому. А как хорошо, как светло написал о доме, о матери. Очень тёплая концовка: «рассаду мама поливает и разговаривает с ней». Замечательно!

У Василия Пантелеймоновича была просто потрясающая память. Он неожиданно и как-то совершенно незаметно для меня и для себя самого перешёл на «ты». В те минуты нашего первого короткого общения мне показалось, что я с ним знаком целую вечность.

Дверь редакции открылась, и в комнату вошла красивая энергичная женщина, мягко улыбнувшись, поздоровалась, а Стародумов тут же поспешил нас представить друг другу.

— Алла Алексеевна Чаркова — руководитель клуба «Парус», этакая наша «мама», а это Володя Смирнов, морской авиатор, поэт, — отрекомендовал меня Василий Пантелеймонович, — и уже работник цеха 27, художник.

— Это очень известный молодёжный цех, в нём сильные спортсмены, художественная самодеятельность, очень много в цехе талантливых девчат и парней, — пояснила Алла Алексеевна, — так что, Володя, вы попали в хорошее место. Да, там художником работал Валера Щербин, а теперь он, кажется, собирается стать искусствоведом.

— Мы с ним познакомились, — ответил я, — и Валера уже натаскивал меня, как шрифтовика. Я ему очень благодарен за помощь.

Вскоре Стародумов и Чаркова представили меня многим местным поэтам и прозаикам, среди которых оказалось множество талантливых людей, а в будущем — известных в Сибири и стране писателей. В это и последующие наши шумные собрания я познакомился и подружился с целой плеядой сибирских литераторов, выпорхнувших из гнезда под именем «Парус».

Это Ким Балков, Евгений Суворов, Валентина Сидоренко, Александр Сокольников, Анатолий Леонтьев, Леонид Андреев — блистательный русский поэт, залетевший к нам из Благовещенска и работавший недолгое время в цехе 23. Виталий Рудых, Денис Цветков, Вэлга Арясова, Василий Гинкулов, Алла Боровская, Нина Сидорова, Любовь Сухаревская, Николай Бердников, Елизавета Родина, Сергей Корбут, Владислав Пляскин — многие и доньше сохранили верность «Парусу».

Василий Пантелеймонович Стародумов всегда был с литобъединением, с заводом, где в 19-м цехе в тридцатых годах работал его друг, известный русский поэт Василий Фёдоров, написавший поэму о значительном отрезке своей жизни «Седьмое небо», и долгая дружба с которым у Василия Пантелеймоновича не прерывалась всю его жизнь.

В то время литературный клуб «Парус» ещё не был «Парусом», а просто заводским литобъединением. Но Стародумов не помнил себя вне стен редакции и вне завода, где протекала его яркая, наполненная великими событиями жизнь.

А начиналась она в посёлке Иннокентьевском, родном Втором Иркутске, где он родился 26 декабря 1907 года в семье слесаря-железнодорожника. В 1925 году он окончил железнодорожную школу-семилетку, и на следующий год поступил чернорабочим в вагонный цех иннокентьевского депо. С 1929 по 1931 год Василий Стародумов служил в девятом железнодорожном полку, входившем в состав ОКДВА¹. После армии играл в театре — в Иркутском ТРАМе², а потом работал художником и руководителем драматического коллектива на строительстве Иркутского авиационного завода.

Здесь же, во Втором Иркутске, он жил со своей верной спутницей жизни Александрой Ивановной Стародумовой, делившей с ним и радости, и горести, и ушедшей из жизни 30 апреля 1979 года. У меня сохранились публикации и книги с автографами Василия Пантелеймоновича, и что особенно интересно — его фотомонтажи, как исторические документы нашего времени.

Василий Стародумов видится мне человеком талантливым и многогранным. Он был актёром, прекрасно рисовал, занимался графикой, писал стихи, пародии, романы и, конечно же, удивительные байкальские сказки. И ещё он был человеком вдумчивым, интересным фотохудожником, фотолетописцем своей жизни и своего времени.

Передо мной несколько таких фотомонтажей, которые многообразием снимков напоминают мне наши деревенские настенные рамы под стеклом, заменявшие нам в своё время фотоальбомы. На одном из первых фотомонтажей подобраны фотографии, связанные с зарождением литобъединения при Иркутском авиазаводе, где на редком снимке 1937 года снят тогдашний литературный актив авиазавода: Григорий Яценко, Александр Королёв, Михаил Крушельницкий, Иван Рослый, Василий Швайко, Пётр Боровский, Николай Ревуцкий, Алексей Куделькин, Василий Стародумов, Николай Сластенко, Иван Пелехов, Николай Глыба-Луковников.

Здесь же помещена фотография иркутских писателей, снятая ещё в 1935 году на Первой конференции писателей Восточной Сибири, среди которых Константин Седых, Иван Молчанов-Сибирский, Моисей Рыбаков, Александр Балин, Вениамин Шалагинов, Хоца Намсараев — основоположник бурятской литературы, Пётр Поликарпович Петров, впоследствии погибший в ГУЛАГе, и другие писатели.

На обороте фотомонтажа надпись: «Боевому пародисту и поэту Владимиру Скифу, председателю литературного клуба «Парус» (Иркутский авиационный завод) на добрую память от старейшего члена этого объединения. Василий Стародумов. P.S. 19 ноября 1976 г., день открытия конференции «Молодость, творчество, современность», г. Иркутск».

Второй фотомонтаж посвящён 45-летию юбилею литературного клуба «Парус», где представлены и первые члены клуба, и те, кто в 1978 году присутствовал на юбилее «Паруса», и те, кто всегда оставался его бессменными, верными «матросами». Здесь же помещён снимок удивительного документа, выданного Василию Пантелеймоновичу Стародумову Всероссийским Союзом советских писателей.

Это настоящее писательское удостоверение, которое гласит, что: «Предъявитель сего поэт Стародумов Василий является членом Союза советских писателей Восточной Сибири, что и удостоверяется. Подпись: Ответ. Секретарь Оргкоми-

¹ОКДВА — Особая Краснознамённая Дальневосточная армия.

²ТРАМ — Театр рабочей молодёжи.

тета ССП Восточной Сибири И. Искра. 7 мая 1933 года». Я полагаю, что данное удостоверение даёт полное право считать Василия Стародумова членом Союза писателей России, тем более, что он дважды пытался подать заявление на приём в Союз писателей СССР в шестидесятые-семидесятые годы.

К сожалению, его современники, секретари Иркутской писательской организации Марк Сергеев и Анатолий Шастин отказывали ему в приёме документов даже на предварительное рассмотрение, а иркутское издательство методично, из года в год отторгало от себя не желающего быть пробойным автора романа «Избушка на Байкале», самобытного сказочника. Оно недостойным образом отвергло его рукописи до тех пор, пока книги мучительно переживавшего своё непризнание в родном городе писателя не увидели свет: первая в Новосибирске в 1968 году, вторая и третья в Улан-Удэ, соответственно, в 1970 и 1975 годах.

И только после этого в Иркутске вышла книга байкальских сказок, оформленная художником Раисой Бардиной. И уже, как настоящее признание творчества Василия Пантелеймоновича Стародумова, часть его сказок: «Ангарские бусы», «Омулёвая бочка», «Жена Хордея», «Хозяин Ольхона», «Волшебные рога Огайло», «Чайка-необычайка» и «Хобот-скала» были отобраны составителем Николаем Есипёнком в прекрасный подарочный двухтомник «Байкала-озера сказки», оформленный ленинградскими братьями-художниками Трауготами.

Но вернёмся к стародумовским фотомонтажам, к этим своеобразным фрагментам его жизни. Примечательны несколько стихотворных надписей на обороте второго фотомонтажа, являющего собой определённый жизненный отрезок, запечатлённый в давних фотографиях:

«Заботливо готовясь в дальний путь,
Я безделушки запер на замок,
Чтоб на моё богатство посягнуть
Незванный гость какой-нибудь не смог...»

Вильям Шекспир. Сонет 48

«Я больше ничего не прячу,
Богатство — вот оно — бери!»

Вас. Фёдоров. «Лирическая трилогия»

«А мне — чего? Богатства нет.
И прятать нечего. Привет!»

Вас. Стародумов

«Письмо-путеводитель по этому фотомонтажу, подаренному на добрую память блестящему поэту, замечательному пародисту Владимиру Скифу.

С нежностью Вас. Стародумов. Янв. 1979 г., г. Иркутск».

Третий фотомонтаж — трагический. Ушла из жизни Александра Ивановна, которая была для Василия Пантелеймоновича его любовью и музой, его доброй и верной женой, с которой он чувствовал себя, как за каменной стеной, поскольку был натурой творческой и мало внимания уделял житейским проблемам, хлебу насущному, уюту домашнему, одежде, мебели и прочему жизненному хламу. Деньги он зарабатывал аккуратно и всегда в срок, не то, что в нынешнее странное время.

В доме всегда было прибрано, уютно и сытно. Хозяин дома выглядел ухоженным, ладным, добротнo одетым, подстриженным, довольным собой и своей неаглядной спутницей. Потому-то с горечью читаются немногословные надписи Василия Пантелеймоновича на фотомонтаже, который он посвятил памяти своей супруги: «...Памяти той, которой уже нет... Похороны жены Александры Ивановны 4 мая 1979 г. Вас. Стародумов. Июнь 1979 г. г. Иркутск».

Четвертый по счёту фотомонтаж хочется полностью прокомментировать словами самого автора:

«Вл. Скифу. Ну, а на этом фотомонтаже, милый Володя, изображены города, где проживает наша (моя и жены) многочисленная родня, куда мы ездили гостить, причём неоднократно (я женился на Саше в 1949 году, взяв её с тремя детьми). На киевском снимке изображено место, где в 1964 году утонул мой сын Толик, студент Киевского университета им. Шевченко (физико-математический факультет, ядерное отделение). Место это — Трифонов остров на Днепре. Около тысячи лет тому назад здесь происходило известное Крещение Руси, и туда устремлён взор киевского князя Владимира (памятник скульптора Клодта на Владимирской горке). Таким образом, некрещённый Толик окрестил себя здесь смертью. Похоронен он на старинном киевском кладбище (ему более 800 лет!) Байково, где похоронены Леся Украинка, Ванда Василевская и другие известные писатели. Фотомонтаж завершает снимок Мангунтая на берегу Байкала, где мы последний раз отдыхали в 1978 году... Так-то вот, друже. Твой Вас. Стародумов. 14 сент. 1979 г. г. Иркутск».

Фотолетописец Стародумов скрупулёзно вёл своеобразный дневник жизни «Паруса», начиная с его рождения. Сколько удивительных, редких снимков вкраплено, как кусочки жизни, в эту стародумовскую летопись. Сколько терпения, сил и сноровки нужно было иметь, чтобы так любовно, с такой теплотой передать то замечательное, летучее время. На снимках изображены заседания «Паруса», споры и чтение рукописей, запечатлён целый пласт нашей сибирской истории, культуры, литературы.

Передо мною пятый фотомонтаж с целой серией снимков заседаний литературного клуба и галереей портретов писателей, напрямую связанных с его становлением, с его творческим ростом. В левом верхнем углу расположен графический портрет поэта Александра Балина, который тушью и пером нарисовал Василий Стародумов. Рядом с портретом необходимое пояснение:

«Поэт Александр Балин (1890-1937) в 30-х годах двадцатого столетия был литературным шефом литобъединения при Иркутском авиационном заводе». На снимках запечатлены: Василий Фёдоров, Алексей Зверев, Иннокентий Луговской, Елена Жилкина, Гавриил Кунгуров, Виктор Петрович Соколов, Виталий Рудых, Владимир Скиф, Евгения Молчанова, Денис Цветков, Владислав Пляскин и даже вездесущий Иван Соловьёв. На обороте фотомонтажа — эмоциональная в стародумовском духе авторская надпись:

«Милый Володя! Не буду распространяться по поводу содержания этого фотомонтажа — оно понятно (говорит само за себя). Но вот что мне хочется сказать тебе попутно. Ты, видимо, скоро переплонешь Иванова³ — уж больно хороши, классически хороши некоторые твои пародии, залягай тебя лошадь Пржевальского до шокового состояния. Ах, как чудесны твои пародии на Но-

³А.А. Иванов — поэт-пародист, ведущий популярной телепередачи «Вокруг смеха».

вокрещённых⁴ и Ваншенкина⁵! Эпохально, гениально и чёрт-те что ещё такое. Молодец! Так держать! Вас. Стародумов. 19 сент. 1979 г. г. Иркутск».

Я заглядывал в приветливый дом Василия Стародумова, когда ещё была жива Александра Ивановна, сиживал в кабинете, окружённый стеллажами книг, картинами и гравюрами хозяина дома, пивал чай на чистенькой, напоминающей деревенскую кухнюшке. Обычно после чая мы возвращались в кабинет, и Василий Пантелеймонович читал мне свои сказки, стихи или пародии. Надо сказать, что ему удавалось многое.

Радовался он удачам, своим или чужим, одинаково. В этом ему нет равных. Василий Стародумов — светлой души человек — всегда радовался удачам других с непостижимым восторгом, неподдельной искренностью и благородством. Господи! Как он смеялся, когда был весел или когда слышал острый, умный, смешной анекдот, частушку или каламбур! Многое из услышанного или прочитанного он оценивал своим живым умом, и глубоко, страстно переживал или наоборот, так же восхитительно радовался.

Думая обо всём, происходившем в редакции заводской многотиражки или в доме Василия Пантелеймоновича, и вспоминая этот дом, я гляжу на фотомонтаж, который я бы назвал «Домашний», где изображены стеллажи и картины, рабочий кабинет и Байкал, сам байкальский сказочник, сидящий за пишущей машинкой, бюст Пушкина, портрет Василия Фёдорова на столе, чайка, парящая как будто не на гравюре, а в комнате, омулёвая бочка, плывущая по морю жизни, и в то же время — неизменный стародумовский атрибут на обложках его книг, родственники, отец и мама на редкой фотографии, ряды книг в кабинете, трубка Ильи Бомбея, спокойная, уравновешенная Александра Ивановна и снова сам Василий Пантелеймонович на фотографиях 1929 и 70-х годов.

Подарен мне этот фотомонтаж со следующей надписью: «Замечательному мастеру пародий — соратнику по «Парусу» — Владимиру Скифу от Василия Стародумова.

Иной поэт, скользя в народные,
Зря тщится Блока заменить,
Но если едкая пародия
Найдёт его — он знаменит!
Он сразу выплывет известным,
О нём везде заговорят,
И он займёт по праву место,
В среде поэтов встанет в ряд.

.....

И разве будет кто в обиде?
Я заверяю: польза в том,
Что даже в порче крови виден
Оздоровительный симптом.

Вас. Стародумов.
6 апреля 1980 г. г. Иркутск».

⁴И.Ф. Новокрещённых — поэт, многолетний руководитель Ангарского ЛИТО.

⁵К.Я. Ваншенкин — поэт, автор стихов к песням «Я люблю тебя жизнь», «Алёша», лауреат Государственных премий СССР и Российской Федерации.

И последний фотомонтаж «Заключительный», какой-то особенно грустный, может быть, потому, что Василий Пантелеймонович чувствовал:

«Чему на свете быть,
тому не миновать.
Как жизни ни любить —
придётся отбывать...»

И как бы оптимистически не выглядел праздник проводов на пенсию и скачущий на лошади витязь кисти и пера Ильи Бомбей, каким изобразил юбиляра в шуточном шарже художник, как бы ярко не светили обложки изданных книг, некоторая горечь и тихая грусть присутствуют в стародумовской надписи на последнем фотомонтаже, который оказался заключительным, седьмым фрагментом его прекрасной и яростной жизни:

«Поэту Владимиру Скифу. «Оттого, что без этих чудачеств Я на свете прожить не могу...» (Сергей Есенин). Милый Володя! Предвижу: удивишься, — с чего бы, дескать, этот дарственный фотомонтаж; вроде бы — нет повода. Ан, есть! Просто по-дружески хочу поделиться с тобой, как с автором пока только тонких книжечек, уже достигнутым мной на склоне лет собранием только тонких книжечек, за которыми, видимо, толстых уже не последует. Да, пожалуй, и тонких. Годы, брат, годы... Но ты (моё тебе в том слово) От книжечек тонких (ныне — сплошь) До толстых книжечек доживёшь, Подобных книгам Льва Толстого. Может, прозаик тут не к месту, но для внешней видимости и некоторого словосочетания, полагаю, подойдёт. Не знаю, какой я могу ещё оставить след после себя, но дальше «следить» что-то не удаётся. Обидно за детей, что недодаю я им. Но пусть они не взыскивают с меня, не так уж я виноват. Мой путь от «Бомбея» до сказок Не сахаром — солью чреват. С преградами был он, и вязок, Но в целом на фото — виват! Эх, и время было, когда при редакторе В.М. Бондарчуке Сабиру мы вели неплохо, Не как-нибудь, не кое-как. Недаром славилась эпоха Ильи Бомбея и Конька. Так-то вот, друже! Но унывать не будем, я же сказал: виват! Ну, будь! Твой брат, ещё не облаканный Москвой — Вас. Стародумов, г. Иркутск. Виват (латинск.) — Да здравствует».

Ну, вот я и подошёл к последним страницам своих воспоминаний. В заключение хотелось бы привести три автографа на книгах Василия Пантелеймоновича, подаренных мне в разные годы наших творческих и дружеских отношений. Улан-Удэнскую книжку «Омулёвая бочка» он преподнёс 15 сентября 1970 года со следующей надписью: *«Владимиру Петровичу Смирнову, замечательному поэту-виртуозу, художнику и человеку, с самыми лучшими пожеланиями и уважением — автор Вас. Стародумов».*

Второй автограф появился на книге «Рога Аргали», которая вышла тоже в Улан-Удэ в 1975 году и была с восторгом принята читателями: *«Владимиру Скифу, милому попутчику в плавании под «парусом», нашедшему себя оригинальному поэту и остроумному пародисту — в знак дружбы и преклонения перед его талантом — от ещё не нашедшего себя сказочника — автора сей книжки байкальских капель Василия Стародумова. Февраль 1976 года. г. Иркутск. P.S. Входя в литературу Скифом, стремись к тому, чтобы стать блестящим наездником на Пегасе! В.С. 17.02.76».*

И ещё привожу один автограф на книге с тем же названием, наконец-то, изданной в Иркутске: *«Милый Владимир Петрович! С превеликим удовольствием дарю тебе — Скифу — эту книжицу, как её автор, надеясь на то, что за ней*

последует другая — такая же, байкальская. С нежностью — Вас. Стародумов. 29 мая 1979 г. г. Иркутск».

Поскольку Василий Стародумов был великим оптимистом, несмотря на изредка прорывавшуюся горечь в его высказываниях, хочется вспомнить крепкую, в литературном отношении чётко выверенную пародию на мои стихи из книги «Журавлиная азбука», которая была издана в Иркутске в 1979 году:

Попытка молитвы

Стать ветвью, облаком, листвою,
Грибами — лакомством осенним.
Быть Тульской областью, Москвой,
Песчаным плёсом Енисея.

Владимир Скиф

Прекрасно быть мячом футбольным,
Жильцом Синюшиной горы,
Быть колотушкой ледокольной
От легендарной «Ангары».
Не худо в цирке стать паяцем,
Ковчегом Ноевым в потоп,
На дне Байкала затеряться
И голомянкой всплыть потом.
Всё это после явью будет,
Ну, а пока — молось за край,
В котором на потеху людям
Со мной тягается Мурай⁶.

Удивительное дело. У этой пародии есть ещё и первый вариант. Видимо, не всегда был удовлетворён Василий Пантелеймонович уже написанным произведением и возвращался к нему снова, а то и переписывал заново, как в случае с вышеупомянутой пародией.

Василий Пантелеймонович Стародумов — известный иркутский писатель, поэт, сказочник, чьё творческое наследие ещё не издано и мало изучено, я думаю, войдёт в число именитых сибирских писателей и займёт в этом ряду своё достойное место. К творчеству нашего земляка-иркутянина будут обращаться ещё многие поколения детей и взрослых, и каждый будет в нём находить искреннее, истинное русское слово, будь то роман «Избушка на Байкале», рассказы о современниках, о той неуёмной жизни, его окружавшей и ушедшей вместе с ним в прошлое страны, стихи, пародии или замечательные байкальские сказки, где он, может быть, более всего проявил свой недюжинный писательский талант, увековечил свою любовь к родной Сибири.

⁶Андрей Мурай — поэт-пародист из Санкт-Петербурга.